

К столетию падения Запада и заката Европы

В. И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

В статье обсуждаются основные идеи известной работы Освальда Шпенглера «Закат Европы», написанной сто лет назад, тема которой – упадок культуры, деградация морали, политики и экономической системы европейской или, шире – западной цивилизации, активно обсуждается и в настоящее время. Шпенглер полагал, что закат любой великой культуры неизбежен и выражается ее вступлением в фазу цивилизации. В качестве основных критериев такого перехода он выделял урбанизацию, империализм и социализм, которые он трактовал скорее в духовном, нежели материальном плане. Кроме того, в духовной жизни общества, вступившего в стадию цивилизации, широко распространяются рационализм, скептицизм и атеизм, которые также рассматриваются как свидетельство упадка традиционной культуры. Сделана попытка рассмотреть современную ситуацию в странах Европы с позиций указанных критериев.

Ключевые слова: философия истории, культура, цивилизация, урбанизация, империализм, социализм, рационализм, скептицизм, атеизм, О. Шпенглер

Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость твердого порядка.

Булат Окуджава

- Является ли скептицизм модным учением?
- Скептики смотрят на это скептически.

Станислав Ежи Лец

Летом 1918 г., когда поражение Германии и ее союзников в Первой мировой войне стало очевидным, а в формально вышедшей из войны России надвигалась гражданская война, Освальд Шпенглер публикует первый том своего самого известного произведения «Der Untergang des Abendlandes», в переводе на русский – «Падение Запада», или «Закат Европы»¹. Ужасы войны,

ощущение, что мир меняется и уже никогда не будет прежним, предчувствие грядущих катаклизмов и, наконец, яркое название обеспечили книге исключительный успех: в короткие сроки она была переведена на другие языки и выдержала 32 издания.

Гений Шпенглера проявился в том, что он, будучи совсем молодым человеком, сформулировал основные идеи работы еще в 1911 г., задолго до начала войны, и в последующие годы их развивал, шлифовал и переносил свои мысли на бумагу. Работа Шпенглера оказала огромное влияние на множество других крупных ученых – от А. Тойнби и С. Хантингтона до Л. Н. Гумилева, которые не соглашались с ним, но находились под сильным влиянием основной идеи – выявление механизмов зарождения, развития, расцвета и упадка великих цивилизаций. Эта книга, несомненно, оказала влияние и на художественную литературу, породив множество антиутопий.

«Закат Европы», как и все другие классические произведения, сейчас, за исключением специалистов, мало кто читает. Но само название книги превратилось в своеобразный мем, устойчивое словосочетание, живущее собственной жизнью. Идею об упадке Запада и закате Европы нещадно эксплуатируют политики и публицисты вне зависимости от политической позиции или идеологической ориентации и даже при полном отсутствии таковых.

Шпенглер был книжным, даже кабинетным ученым. Все свои знания он выносил из чтения книг, а во время написания «Заката Европы» вообще закрылся в стенах своего кабинета, прекратив общение с коллегами. Исключив таким образом контакты с действительностью, он жил в своем мире, пытаясь силою собственной мысли объяснить ход истории. При этом, судя по ссылкам, он воспринимал высказывания многих людей, от Наполеона до Бисмарка, в качестве таких же фактов, как битва при Маренго или объединение Германии. Эрудиция автора и широта охвата проблемы поражают читателя, при этом в книге заметен налет немецкого романтизма, который неоднократно приводил крупных ученых к неверной интерпретации фактов и ложным построениям. Наконец, О. Шпенглер по своим политическим взглядам был, несомненно, консерватором и пессимистом, т.е. человеком, который отчетливо видел признаки упадка в социальной жизни, а прогресс сводил только к материальным условиям жизни.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука» Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с. В статье приведены ссылки на это издание с указанием соответствующих страниц.

Другой вариант перевода можно найти в Интернете: URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml; http://fictionbook.ru/author/oswald_shpengler/zakat_evropyi_tom_1/read_online.html?page=3

Немного о самой книге

Провести сколько-нибудь содержательный анализ «Заката Европы» в короткой статье невозможно из-за невероятного объема материала и множества идей, развиваемых автором. Да в этом и нет необходимости, поскольку существует обширная литература на эту тему. Для понимания масштаба работы достаточно прочитать оглавление «Заката Европы» на семи страницах, а развернутое предисловие профессора А.П. Дубнова убеждает в том, какие жаркие дискуссии спровоцировало это издание. Причем каждый из комментаторов находил в книге что-то свое, понимал и толковал ее содержание по-своему.

Сам Шпенглер так определил цель своей работы: «В настоящей книге впервые делается смелая попытка предугадать ход истории. Замысел ее – проследить судьбу культуры, притом единственной, которая в настоящее время на земле считается совершенной, именно – судьбу западноевропейской культуры в ее не истекших еще стадиях» [С. 34]. Европейскую культуру он рассматривал в ряду других, полагая, что все культуры равноправны и, при всей их оригинальности, сопоставимы в части прохождения определенных стадий развития, которые заканчиваются упадком и гибелью. Отказ от европоцентризма в настоящее время вполне принят в современной науке и общественном мнении, но тогда звучал свежо и дерзко.

Сама по себе идея построить если не теорию, то хотя бы философию истории, не нова. Еще более распространена точка зрения, что все, что имеет начало в истории, имеет в ней же и конец. Например, К. Маркс стремился открыть законы исторического развития и выяснить, почему и каким образом современный ему капитализм погибнет в результате нарастания внутренних противоречий и саморазрушения. О. Шпенглер не соглашался со своими предшественниками, особенно с Гегелем и Марксом, но, пусть и по-иному, ставил по сути те же вопросы.

Недовольство интеллектуалов работами профессиональных историков общеизвестно. Вспоминается шутка, что историк подобен человеку, который едет в карете по незнакомой местности и, изредка выглядывая в заднее окно, пытается понять, куда же она движется. Профессионализм историков и скрупулезное установление и обоснование ими фактов не удовлетворяли философов,

которые были убеждены в том, что историки не видят за деревьями леса.

«Мы, люди западноевропейской культуры – явления почти точно ограниченного промежутком времени между 1000 и 2000 годом после Р.Х. – являемся исключением, а не правилом. “Всемирная история” – это наша картина мира, а не принадлежащая человечеству» [С. 48]. Историю, действительно, обычно пишут победители. С этой точки зрения это высказывание банально. Но теперь очевидно, что Европа породила современную науку, в том числе и историческую, которая распространила свои принципы и методики на все страны и установила стандарты для исследователей во всем мире, вне зависимости от культурных традиций других народов.

О. Шпенглер придерживался широко распространенной среди немецкой профессуры идеи, что в любом обществе динамизм и направление его развития задают именно культура или дух. Материальные факторы (по Марксу – производительные силы) могут развиваться только в рамках определенной культуры и отражают ценности и цели, которые органично ей присущи. Культура у Шпенглера понимается как особый способ восприятия мира, не свойственный другим культурам. Он касается восприятия пространства и времени, следовательно, понимания чисел и количественных измерений, отношения к жизни и смерти, формирует определенную этику и эстетику и находит свое отражение в религии и государственном устройстве.

О. Шпенглер выделял семь различных культур: египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую, античную, майя, арабскую (арабо-византийскую) и современную европейскую. Каждая из них, по его мнению, существовала примерно 1000 лет и потом умирала. Процесс угасания мог растягиваться на столетия, но финал был неизбежен. На первой странице Шпенглер задается вопросом – применимы ли основные понятия всего органического (рождение, смерть, юность, продолжительность жизни) к культуре народов, и всей своей книгой, от названия до последнего слова, пытается обосновать положительный ответ.

Поэтому особой задачей Шпенглер считал диагностику угасания культуры, выделение признаков ее деградации. Очевидно, это было нетривиальной задачей, поскольку угасание, если принять

аналогию с живыми организмами, начинается сразу после стадии наивысшего расцвета и, возможно, параллельно с ней.

Разработанная Шпенглером продолжительность фаз цикла развития культуры не совпадает с историческими данными, будь то культура майя или Китая. Скорее это привязка именно к европейской культуре, история которой была ему хорошо известна. Сейчас наука выделяет гораздо большее число культур, наши знания об их развитии гораздо обширнее, чем в начале XX века. Более того, Шпенглер не мог не знать об империях персов, инков, гуннов, монголов и многих других, но их история не укладывалась в его концепцию.

Если исходить из идеи Шпенглера, что культуры различаются по восприятию мира и потому бывают автономными, то непонятен феномен параллельного существования различных сообществ и культурного обмена между ними. Хотя в книге можно найти множество и других, мягко говоря, спорных утверждений, это не умаляет важность самой постановки проблемы: дальнейшей эволюции и судьбы западной цивилизации.

Шпенглер определил исторические рамки стадии угасания европейской культуры. «Исходя из установленной точки зрения на мир, морфологически определить строение современности, точнее говоря, времени между 1800 и 2000 годами. Следует выяснить временное положение этой эпохи внутри всей западной культуры в ее целом, ее значение как биографического отрезка, необходимо встречающегося в той или иной форме в каждой культуре, а также органическое и символическое значение свойственных ей сочетаний политических, художественных, умственных и социальных форм» [С. 63].

Высшую стадию развития культуры Шпенглер определил как стадию цивилизации. «Под этим углом зрения падение Западного мира представляет собой не более и не менее как *проблему цивилизации*. В этом заключен один из основных вопросов истории. Что такое цивилизация, понимаемая как логическое следствие, как завершение и исход культуры?» [С. 69]. Далее он пишет, что у каждой культуры – своя собственная цивилизация, но она неизбежно является завершающей стадией развития. «Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществлять которые способен высший вид людей» [С. 69]. По всей книге разбросано множество примеров

вступления различных культур в стадию цивилизации. Признаки этого Шпенглер находит в архитектуре, музыке, изобразительном искусстве, науке и литературе. Но главные, как представляется, признаки наступления фазы цивилизации он видит в империализме, социализме и урбанизации. К этому следует добавить такие черты, присущие образованному горожанину, как рационализм, скептицизм и атеизм.

Немного о методе исследования. Шпенглер считал, что общественные науки, в отличие от естественных, предполагают иной метод познания. «Средством для понимания мертвых форм служит математический закон. Средством для уразумения живых форм – аналогия» [С. 35]. Он скептически оценивает возможности такого подхода, поскольку «техники сравнения еще не существует», и «никто еще не подумал о выработке метода» [С. 36]. Он был неправ, поскольку методы сравнительного анализа в общественных науках успешно использовались уже в XIX веке, а в настоящее время появилась целая наука – компаративистика. Впрочем, в целом сравнительные исследования еще сохраняют элементы искусства. В своей работе, помимо аналогии, Шпенглер использовал и аллегорию. Отсюда его постоянные отсылки к «усталости духа», «пресыщению души культуры», противопоставление и поиск сходства в развитии фаустовской, аполлоновской и магической душ, находящих свое выражение в архитектуре, музыке и изобразительном искусстве, и т.п. [С. 239 и далее].

Урбанизация

На определенной (завершающей) стадии развития общества бездушие, практицизм, погоня за материальным успехом начинают превалировать в нем и распространяются на все слои общества. Рост крупных городов, мировых столиц является наглядным выражением этого процесса. Очевидно, что Шпенглер писал о гиперурбанизации. В рамках цивилизации происходит разделение на города и провинции, и глобальный город побеждает глобальную деревню. Важно подчеркнуть, что если ранее культура развивалась повсеместно, то на завершающей стадии она эволюционирует только в столицах. Таково его представление о Римской империи или империи майя, где вся общественная жизнь стягивалась в столицу. Судьба большинства горожан при

этом была незавидной. «Римский народ ютился в невообразимой нищете по мелким наемным квартирам многоэтажных домов в мрачных предместьях» [С. 73]. Даже родовая аристократия вступала место спекулянтам-нуворишам.

В городах народ исчезает, а ему на смену приходит население, зависимое от узкой группы правителей и живущее подачками государства, которое их же и обдирает. «Мировой город населен не народом, а массой. Ее непонимание традиции и борьба с традицией, которая является, в сущности, борьбой с культурой (с дворянством, церковью, привилегиями, династией, условностями в искусстве, границами познания в науке), ее острая и холодная рассудочность, превосходящая мужицкую рассудительность, ее натурализм в совершенно новом смысле, идущий во всех половых и социальных вопросах гораздо дальше Сократа и Руссо и возвращающийся к первобытным инстинктам и состояниям, ее “panem et circenses” (хлеба и зрелищ), снова появляющееся в настоящее время под личиной борьбы за заработную плату и спортивных состязаний, – все это, в противоположность окончательно завершенной культуре провинции, есть выражение совершенно новой, поздней и лишенной будущего, но неизбежной формы человеческого существования» [С. 72].

«Стать провинцией – такова судьба целых стран, которые не входят в круг излучения этих городов, как некогда это было с Критом и Македонией, а теперь со Скандинавским севером» [С. 71]. Шпенглер обращает внимание на процесс стягивания культурной и деловой жизни в столицу и превращение множества других центров оригинальной культуры в безликую провинцию. На месте множества городов и поселений формируется провинция во главе с мировым городом, что и является свидетельством культурной деградации. «Мировой город – это означает космополитизм вместо “отечества”, холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца, “общество” вместо государства, естественные права вместо приобретенных. И, наконец, окончательное закрепление особой функции денег в качестве неорганического абстрактного фактора, лишенного связи с ценностями первоначального уклада жизни» [С. 71–72].

Империализм

По Шпенглеру империализм, т.е. страсть к безудержному расширению границ и распространению собственных порядков на другие страны и территории, есть цивилизация в ее чистом виде. Империализм – неизбежная судьба любой зрелой культуры, в том числе и западной или европейской. Шпенглер объясняет это так: «Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного – во внешнее» [С. 77]. Именно поэтому зрелая цивилизация начинает безудержную экспансию. Это очень спорное утверждение. Шпенглер приводит пример Римской империи и историю ее завоеваний как завершение античной цивилизации. Далее он проводит аналогию с экспансией европейских стран в XIX веке. Но создание империи Александра Македонского произошло задолго до завоевания Римом Галлии и Африки, а экспансия Испании, Португалии и России – задолго до создания колониальных империй Англии и Франции.

Великое переселение народов, о котором Шпенглер не мог не знать, произошло в период начального формирования культур германских народов и объяснялось совсем не культурными факторами, а нашествием гуннов, климатическими изменениями, демографией и чем угодно, но не вступлением культуры этих народов в высшую стадию развития. Л. Н. Гумилев показал, что территориальная экспансия характерна, наоборот, на ранних стадиях становления этносов, когда энергия народов выплескивается вовне. По мере становления культуры и государственности страсть к безудержному расширению границ в целом снижается.

Внешнюю экспансию Шпенглер связывает не с исключительной военной мощью завоевателей, а со слабостью покоряемых народов. «Что касается римского мирового владычества, то оно было явлением отрицательного характера, результатом не избытка силы у одной стороны, а недостатка силы сопротивления у другой. Римляне вовсе не завоевали мир. Они только завладели тем, что лежало готовой добычей для каждого» [С. 76].

Это очень субъективный и неверный с исторической точки зрения тезис. Сопротивление римским завоеваниям многих народов в Европе и в Азии было очень серьезным. К тому же военная мощь всегда и во все времена носила не абсолютный, а относительный характер. Видимо, когда Шпенглер писал эти строки, перед его глазами стояли картины европейских колониальных захватов

нового и новейшего времени. Разумеется, воля к завоеванию или сопротивлению, то, что называют боевым духом, играет роль, но сводить все к нему неверно.

Примечательно, что, обсуждая проблему империализма, Шпенглер приводит примеры территориальной экспансии в далеком прошлом, но не касается культурной. Видимо, мешало его восприятие культуры как автономно развивающегося процесса. Другими словами, он не мог согласиться с миграцией ценностей и культурных образцов, тем более с их взаимопроникновением. Видимо, он полагал, что человек, принимающий чужую культуру, отрекается от собственной. Сейчас очевидно, что это далеко не так. Принятие чужой религии, системы образования и науки, импорт технологий и образа жизни не обязательно приводят к утере национальной культуры и чувства идентичности. Культура, как и язык, может переваривать заимствования непрерывно и в большом объеме.

В конце XIX века появилась обширная научная литература, объясняющая мотивы и механизмы территориальной экспансии европейских стран, в том числе и в новейшее время. Показательно, что Шпенглер фактически игнорирует эту литературу, поскольку выводы различных авторов не укладываются в его концепцию упадка Запада. Он бы, наверное, с пониманием отнесся к национально-освободительным движениям и процессу деколонизации как свидетельству угасания и упадка западной культуры, но вряд ли поддержал бы их, будучи консерватором.

Социализм

Второй раздел пятой главы своей книги Шпенглер многозначительно назвал «Буддизм, стоицизм, социализм». Для него социализм – это некая идея и духовное состояние общества, воспринявшего эту идею. При рассуждении о социализме он начинает с морали. Шпенглер выделяет главную особенность морали Запада – долженствование. «Всякий чего-то требует от других. Слова “ты должен” произносятся с полным убеждением, что здесь действительно возможно и должно что-то в общем смысле изменить, образовать и упорядочить. Вера в это и в законность такого требования непоколебимы. Здесь приказывают и требуют повиновения. Вот что у нас называется моралью» [С. 441]. Каждой культуре соответствует своя мораль, которая изменяется

с развитием культуры. «Моралей столько же, сколько и культур, не больше и не меньше. Ни у кого нет свободы выбора» [С. 446]. И далее он делает вывод о невозможности миссионерства.

«Социализм – в высшем, а не банальном смысле – как все фаустовское, есть идеал, исключаящий другие идеалы, и обязан своей популярностью только недоразумению (распространенному даже среди руководителей), а именно будто он является совокупностью прав, а не обязанностей, устранение, а не обострение Кантова императива, ослабление, а не высшее напряжение энергии направления» [С. 455].

Трудно себе это представить, но Шпенглер рассматривает социализм как финал интеллектуального поиска и формирование рабской морали под личиной гуманности, морали, ведущей к стабильному, а потому бесперспективному и умирающему обществу.

«Руссо – родоначальник этого социализма. Руссо стоит около Сократа и Будды – этих двух других этических провозвестников больших цивилизаций» [С. 461]. Ниже на той же странице он пишет: «Каждый из них проводил в могилу тысячелетие внутренних достижений. Они проповедуют евангелие гуманности, но это гуманность интеллигентного городского обитателя, которому приелся город, а с ним вместе и культура, чистый “рассудок” которого ищет освобождения от этой культуры и ее властных форм, от ее суровостей, от ее символизма, который теперь уже внутренне не переживается и поэтому делается ненавистным».

Далее читаем: «Все трое демонстрируют восхождение нигилизма (Ницше). После исчезновения старых сословий крестьянин остается единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры» [С. 463]. После окончательной победы города над деревней крестьянин исчезнет. Это несколько странно звучит сегодня, поскольку торжество буддизма, стоицизма или конфуцианства не привело ни к чему похожему на социализм в европейском или российском смысле и к уничтожению крестьянства. Правда, реальный социализм в СССР и некоторых других странах приблизился к этому идеалу. Вообще современному российскому читателю очень трудно представить себе Конфуция, Сократа или Сенеку социалистами. Кроме того, если учения Будды и Конфуция озаменовали упадок соответствующих культур, то сколько же времени может длиться

этот упадок и что тогда можно сказать о датировке упадка западной культуры, приведенной выше?

Такое расширительное понимание социализма приводит Шпенглера к тому, что он зачисляет в социалисты и Фридриха Великого. Но тогда каждого, кто мечтал о построении стабильного общества на основе разума, следует именовать социалистом, включая Платона.

Шпенглер отмечает огромное количество социалистических концепций в современной ему Европе и именно незрелостью современной ему социалистической идеи объясняет то, что нет четкой и ясной формулировки того образа социализма, к которому обществу следует прийти. При этом все адепты социализма верят в его возможность и даже неизбежность подобно тому, как христиане верят во второе пришествие. «Насквозь диалектическая, практическая, плебейская, она (социалистическая идея. – В. К.) заменяет внушительный, имеющий широкое влияние образ великих людей безудержной агитацией людей маленьких, но умных, заменяет идеи – целью, символы – программой» [С. 475].

Человеческая масса есть объект стоической и социалистической пропаганды, и сходные явления важно наблюдать в египетском Новом Царстве, в буддийской Индии и Китае Конфуция [С. 475]. Поскольку пропаганда обращена к простому народу, то формируется особый язык, форма общения и общественной деятельности – диатриба.²

Намекая на примитивизацию языка и уровня полемики, Шпенглер замечает, что «Вся античная философия после Платона и Аристотеля есть риторика. Весь социализм в широком смысле, от Шопенгауэра до эскизов Шоу, не исключая и Ницше, по форме и намерениям – журналистика» [С. 477].

Для Шпенглера социализм представляет собой идеологию, отвергающую судьбу и утверждающую причинность в этике. Для него социализм есть одновременно и образ будущего, и признак

упадка. Более того, он считал, что все мы – бессознательные социалисты, подобно тому, как считал всех граждан Римской империи бессознательными стоиками. Социализм – это жизнечувствование, находящееся под знаком цели.

Эта идеология разрабатывается интеллектуалами и захватывает большинство общества. «Социализм – вопреки внешним иллюзиям – отнюдь не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Все остальное – самообман. Цель его совершенно империалистическая: благоденствие в экспансивном смысле, но не больших людей, а жизнедеятельных, которым стремятся дать свободу действий, вопреки сопротивлению общественности, рождения и традиции» [С. 479]. Другими словами, социализм утверждает, что у общества есть великая цель (помимо индивидуальных), и эта цель вполне оправдывает средства ее достижения. Это очень напоминает высказывание одного из персонажей И. Г. Эренбурга, который говорил не только о замене царства свободы на царство необходимости, но и о том, что будет создан пафос нового рабства.

Рассматривая различные варианты критики современного ему общественного устройства, предложенные Марксом, Энгельсом, Штирнером и др., попытки придания ей характера научности обоснования иного общественного устройства, он пишет, что «Социализм есть превращенная в этическое, именно императивное, политическая экономия» [С. 485].

Рационализм, скептицизм и атеизм

Макс Вебер считал, что целесообразный и рациональный типы человеческой деятельности, поведения, характерные для эпохи капитализма, постепенно вытесняющие традиционный и аффектированный типы, есть прогресс в духовной жизни общества, и именно они определили научный, технологический и социальный прогресс в целом. По его мнению, именно такой тип человека, появление которого он связывал с распространением протестантизма, позволил Европе занять ее нынешнее место в мире. Но для Шпенглера рационализм – это свидетельство и причина упадка, поскольку время подменяется пространством, а качество – количеством. Сознание становится механистичным, оперирующим только понятиями средства и цели. Он писал: «Направление есть жизнь, цель – смерть» [С. 479].

² Признаки диатрибы – моральная тема, обличительный пафос, сочетание серьезности и насмешки (*sproudogeloion*), личные обращения к читателю-адресату, возражения самому себе и ответы на них, широкое использование сравнений, аналогий, примеров, притчей, мифов, сентенций, раскрывающих и объясняющих доказываемый философский тезис. Диатрибам были присущи простота изложения, образная форма, фольклорные мотивы. Вместе с тем в них использовались риторические приемы (из Википедии).

С рационализмом тесно связан скептицизм. Шпенглер убежден, что он является неотъемлемым атрибутом зрелой цивилизации, поскольку ставит под сомнение все достижения прошлого и, тем самым, критикует картину мира предшествующей культуры. В основе скептицизма, по его словам, лежит убеждение, что все, что есть, прошло процесс формирования, и что в самой основе всего реального и познаваемого лежит нечто историческое. Другими словами, скептицизм по Шпенглеру тесно связан с историцизмом. Вопрос о том, могут ли наука, искусство или политика развиваться без скептицизма, его не интересует.

Религия для Шпенглера – важнейший элемент и квинтэссенция культуры. Поэтому распространение атеизма является таким же признаком упадка культуры, как и бездетные браки, переселение в город, распад сословного общества, изменение отношения индивидуума к государству и т.п. Именно с атеизмом, который он видел в учениях Конфуция или Будды, Шпенглер связывает упадок этих великих азиатских культур. Действительно, как показал Л.Н. Гумилев, с точки зрения западного наблюдателя, конфуцианство и буддизм очень близки к атеизму. Но все-таки они являются религией, подобно тому как марксизм стал своеобразной светской религией в СССР. Сейчас очень трудно говорить об упадке культуры, утрате динамизма в развитии Китая, Индии или Японии.

Многokrатно показано, что Европа и Запад в целом стали тем, чем они стали, благодаря инновациям в различных областях, от изобразительного искусства, литературы, и государственного устройства до науки, технологий и военного дела. Именно инновации позволили некоторым европейским странам достичь невиданного в мировой истории прорыва в экономической и социальной сферах. Разумеется, это движение само по себе создавало проблемы, но они так или иначе решались, иногда путем войн и революций, иногда – компромиссов и реформ. Но Шпенглер видел в этом «созидательном разрушении» после 1800 г. лишь негативную сторону.

Запад и Европа сто лет спустя

Прошедшее столетие было бурным. Может быть, оттого, что это совсем недавняя история, мы воспринимаем многие события как беспрецедентные. Первая половина столетия

характеризовалась военными, социальными и экономическими катаклизмами. Вторая прошла под знаком «мирного соревнования» двух систем, но человеческих жертв в мире при этом вряд ли стало меньше. Запад и Европа все эти годы были, как выяснилось, островом стабильности в бушующем мире. Именно это и создавало ощущение, что после окончания Второй мировой войны на планете наступил мир. В этом отражается европоцентричность нашего восприятия.

Европа пережила после окончания войны массовые миграции, раздел на сферы влияния и процесс деколонизации. Были и массовые забастовки, протесты, правительственные кризисы в разных странах, студенческие волнения 1960-х, террор со стороны ОАС, «красных бригад», ИРА, палестинцев и др. Были созданы европейские институты, основан ЕС, который за 70 лет существенно расширился и превратился в сложную бюрократическую структуру. Теперь весь послевоенный период до 2008 г. воспринимается как эпоха стабильного развития, но современники так не считали.

Мировой экономической кризис 2007–2008 гг. и последующие события в Африке, на Ближнем Востоке и на Украине сильно ударили по Европе и вновь породили ощущение ее упадка. Его признаки – бесконечная рецессия и перманентный бюджетный кризис в странах Южной Европы, наплыв беженцев и реакция избирателей на эти и иные вызовы, неспособность национальной и наднациональной бюрократии быстро и эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Широко распространилось мнение, что защита прав женщин, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств носит гипертрофированный характер и приводит к обратной дискриминации. Бедность и неполные семьи превратились в выгодный бизнес.

Рост националистических и изоляционистских настроений и усиление влияния политиков-популистов породили сомнения не только в интеграционном проекте, но и в ценности свобод, прав человека и демократии как основы европейского политического и общественного устройства.

Но вернемся к идеям и прогнозам Шпенглера. Процесс урбанизации в странах «старой Европы», кажется, не только пошел на спад, но и сменился на противоположную тенденцию. Рурализация наблюдается во многих «передовых» странах, в отличие

от продолжающейся урбанизации в прочих частях света. Вопреки предсказаниям Шпенглера многие средние и даже малые города Европы сумели не утратить и даже приумножили свое влияние в культурном и общественном смысле. Крестьянство действительно сокращается как класс, несмотря на поддержку государства. Но ему на смену пришел быстро растущий класс мелких предпринимателей со сходной идеологией. Более того, крестьянство как хранитель дорогих сердцу Шпенглера культурных ценностей уже давно не существует. Во всяком случае, в том виде, в каком он его представлял.

Важный вопрос: действительно ли европейские горожане превратились из народа в массу, жаждущую только хлеба и зрелищ? Хотя индустрия развлечений по всему миру невероятно разрослась (достаточно указать на спортивные состязания, концерты и карнавалы), пока трудно диагностировать превращение европейских граждан в некое подобие римского пролетариата. Скорее это относится к странам третьего мира. Но во многих государствах действительно сформировался новый праздный класс, занимающий низшие ступени общества.

Империализм в смысле территориальных захватов ушел в прошлое и сменился экспортом культурных образцов, «мягкой силой», движением капитала, информации, товаров и услуг. В этом преуспели не только Запад, но и некоторые другие страны.

Тем не менее социалистическая идея в разных формах не покинула Европу. Призрак коммунизма, правда, уже не бродит в этой части света, но общественный запрос на стабильность, милосердие, гуманность и заботу со стороны государства в форме социальных гарантий, пацифизм и т. п., скорее, усилился. Причем не только у низших классов, но и у обеспеченной части общества. Неправильно сводить благотворительность только к уходу от уплаты налогов и повышению социального статуса.

Многие сюжеты, о которых писал Шпенглер, вполне укладываются в современную картину Европы: распад традиционной семьи, бездетные браки, кризис социализма, парламентаризма и рационализма и многое другое. С другой стороны, резко упала численность рабочего класса (четвертого сословия) и изменилось в лучшую сторону его экономическое положение, что в начале прошлого века представлялось неразрешимой проблемой.

Шпенглер много писал об интеллектуальном измельчании в науке, искусстве и политике. Судя по литературе, эти слова звучат актуально и сегодня, хотя многие личности, упоминаемые им, отнюдь не выглядят пигмеями в сравнении с великими мастерами или политическими деятелями предыдущих эпох. Сегодня трудно признать импрессионизм или литературу Серебряного века символами деградации, равно как и произведения Чайковского или Стравинского.

Шпенглер сформулировал «великую задачу познания мира как потребности человека высокой культуры». Племена, народы и расы приходят и уходят, когда угасает их созидательная сила. По его мнению, это просто рябь на водной поверхности. «Но над этой поверхностью великие культуры вздымают свой величественный хоровод волн. Внезапно появляются они, раскидываются пышными линиями, сверкают, исчезают, и зеркальная поверхность воды снова пустынна и погружена в сон» [С. 172]. Так вот, всемирная история, такая, какой мы ее сейчас знаем, не содержала периодов пустыни и сна.

В заключение следует сказать, что книга изобилует смелыми сюжетами и аналогиями, оригинальными мыслями, заставляющими по-новому взглянуть на нынешние проблемы, в том числе и нашей страны. Самое замечательное состоит в том, что концепция Шпенглера не может быть опровергнута. Можно доказать, что какие-то отдельные его высказывания неверны или неточны, но работу в целом критиковать невозможно в рамках парадигмы автора. На все возражения мы получим ответ, что они сформулированы исходя из представлений человека западной культуры, который неспособен подняться над ней и увидеть историю человечества целиком. Другими словами, концепция Шпенглера не соответствует критерию фальсифицируемости и должна быть признана ненаучной. Единственная возможность убедиться в действительном закате Европы состоит в том, чтобы дожидаться конца европейской цивилизации, на что может уйти неопределенно долгое время.